

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Гарни, II

Раскопки в Гарни являются одним из наиболее значительных и ответственных участков проводящегося в настоящее время археологического изучения территории Советской Армении. Систематические раскопки ведутся в Гарни уже с 1949 г. археологической экспедицией Института истории АН Армянской ССР, возглавляемой доктором исторических наук Б. Н. Аракелян.

Перед нами второй выпуск научного отчета о деятельности этой экспедиции¹. Выпуск содержит данные по раскопкам 1951—1955 гг., причем он охватывает лишь ту часть материала, открытого в указанные годы, которая относится к античному периоду, к первым векам н. э.

Отчет состоит из четырех частей и таблиц. Существенное место в работе экспедиции, как видно из первой части отчета, занимали работы по дальнейшему открытию и расчистке крепостной стены. Особое внимание было уделено изучению ее фундаментов. Оказалось, что стена в значительной своей части возведена на остатках более древней стены, датированной Б. Н. Аракелян временем не позже III в. до н. э. (стр. 12). На одном участке фундаментом служат остатки стены циклопической крепости, относящейся к периоду ранней и развитой бронзы. Кое-где стена сооружена на расчищенной материковой скале. 14 рядов кладки, сохранившихся в восточной стене крепости (высота около 8 метров), составляют, по мнению автора, не более половины первоначальной высоты стены. Эти мощные оборонительные сооружения дают приблизительное представление о том, как должны были выглядеть стены Тигранакерта, имевшие в высоту, согласно сообщению Аппиана (Митр., 84), 50 локтей (ок. 25 метров).

Продолжались раскопки могильника I—II вв. н. э., причем число открытых и изученных захоронений доведено до 60. В них обнаружен интересный и разнообразный материал, характеризующий быт населения Гарни в первые века н. э. Четыре типа погребений, встречающиеся в могильнике (каменные ящики, грунтовые, кувшинные погребения и костяки, обложенные булыжником), автор считает синхронными.

Центральное место в обозреваемом выпуске занимает его вторая

¹ Гарни, II, Б. Н. Аракелян. Результаты работ гарнийской археологической экспедиции 1951—1955 гг. (античный период), Ереван, Изд. АН Армянской ССР, 1957 (№ 7 серии „Археологические раскопки в Армении“). Первый выпуск отчета того же автора, посвященный результатам работ в 1949—1950 гг., издан в 1951 г. (№ 3 указанной серии).

часть, посвященная мозаичному полу бани, открытой в 1953 г. и полностью раскопанной в 1954 г. Следует подчеркнуть, что в этом разделе мы имеем дело, по существу, не с отчетом, а с настоящим исследованием, для выполнения которого автором привлечен широкий сравнительный материал и использована большая специальная литература.

По своей архитектуре и устройству баня находит много параллелей в эллинистическом и римском материале II—IV вв. и сходна, в частности, также с баней, открытой раскопками в Мцхета-Армази.

Баня имела паровое отопление. Пол ее, сложенный из крупных кирпичей размером 66 × 65 см, опирался на стойки, так что под ним оставалось значительное пустое пространство, куда подавался пар из котла.

Мозаикой покрыт пол лишь одного из помещений бани, площадью около 9 кв. м. Мозаика дошла до нас в плохой сохранности, однако содержание ее изображения удалось установить. Установление сюжета сильно облегчается греческими надписями, помещенными возле каждой изображенной фигуры и дающими ее название. Перед нами один из любимых сюжетов эллинистического искусства — море с его божественными обитателями. В центре помещены Океан и Морс в образе мужчины и женщины. По краям идут фигуры божеств, персонифицирующих те или иные морские явления — глубину, морскую тишь, морской берег, а также более абстрактные понятия — красоту, желание и т. д. Прекрасно сохранилось изображение богини Фетиды.

Любопытна загадочная греческая надпись, помещенная в центре мозаики: «Потрудились ничего не получив». Из ряда предположений относительно смысла этой надписи, приводимых автором, наиболее вероятным представляется, по нашему мнению, то, согласно которому которому надпись связана с сюжетом мозаики, в частности с Океаном и Морем, над изображениями которых она помещена.

Б. Н. Аракелян датирует мозаику концом III — началом IV вв., основываясь как на сопоставлениях с аналогичными памятниками, преимущественно эллинистического мира, так и с учетом особенностей армянской исторической действительности, исключавших возможность создания произведений искусства с языческими сюжетами после установления в Армении христианства в качестве официальной религии. Предлагаемая датировка вполне убедительна.

Мозаика из Гарни с новой остротой ставит перед исследователями проблему характера культуры Армении эллинистического периода. Сравнивая гарнийскую мозаику с армянскими мозаиками V—VII вв., автор не находит между ними сходства. «Все приведенные мозаичные изображения, — пишет он на стр. 31, — по сюжету и по стилю резко отличаются от гарнийской мозаики и принадлежат к феодальной культуре Армении периода раннего средневековья, в то время как гарнийская мозаика по сюжету, идейному содержанию и стилю всецело принадлежит к античной культуре. Это обстоятельство обязывает нас искать аналогии гарнийской мозаики в соответствующей эпохе и в ином культурном слое».

Автор находит искомое в эллинистическом искусстве Сирии, в частности в мозаиках Антиохии-на-Оронте и ее пригорода — Дафны — и совершенно правильно расценивает роль эллинистической культуры в Армении как верхушечной, можно сказать дворцовой культуры, не вошедшей сколько-нибудь глубоко в плоть и кровь народа в том виде, в каком она обслуживала господствующий класс. (Другое дело, что отдельные элементы в дальнейшем, трансформируясь, стали органической частью армянской культуры, обогатили ее).

Вместе с тем Б. Н. Аракелян предпринял правомерную попытку обнаружить в гарнийской мозаике местные черты, что, однако, пока не увенчалось успехом. Автором показано лишь с несомненностью, что разноцветные камни для мозаики добывались на месте, в Гарни. Этого факта, однако, нам кажется, недостаточно для утверждения о том, что «несомненным являются также местные особенности в выборе ее (мозаики) сюжета и композиции, в ее колорите и цветовых гаммах, в технике выполнения и в передаче изображений» (стр. 39), т. е. по существу во всех элементах мозаичного изображения. Для обоснования этого положения понадобятся еще дальнейшие исследования и, главное, новый фактический материал.

Третья часть выпуска посвящена описанию добытого раскопками археологического материала. Значительную часть найденных орудий труда, оружия, бытовых предметов и украшений, а также стеклянных изделий, дал некраполь. Выделяются орудия каменотеса, сопоставление которых с различными видами обработки камня из сооружений Гарни позволили автору прийти к интересным выводам. Из бытовых предметов любопытна костяная свирель, датируемая автором III в. н. э., и металлические зеркала. В погребении обнаружено большое количество украшений — золотых, серебряных, бронзовых, каменных, стеклянных, костяных, янтарных и т. п., среди которых встречаются высокохудожественные изделия.

Наибольший интерес вызывает найденное в большом количестве стекло, особенно формованное. Чрезвычайно изящен амфоровидный сосуд с двумя ручками и каннелированной поверхностью. Другой сосуд на двух противоположных сторонах тулова имеет рельефное изображение женской головы; аналогичный флакон известен из Сирии. Найден очень красивый графин из толстого матового стекла с перламутровым отливом, обработанный после литья на шлифовальном круге. Имеется шестигранный сосуд с клеймом на дне, содержащим имя «Германос» греческими буквами. Обнаружены также многочисленные обломки сосудов, не уступавших упомянутым, а также осколки оконного стекла.

Изложение раздела, посвященного стеклу, дано автором также на уровне исследования, хотя и менее детального и глубокого, чем исследование мозаики. В частности, в дальнейшем кропотливом изучении нуждался, на наш взгляд, вопрос о происхождении гарнийского стекла, который имеет большое значение для характеристики торговых связей древней Армении и ее местного производства.

Очень красноречивы найденные при раскопках крепости обломки мраморных изделий. Б. Н. Аракелян делит их на две группы: а) обломки статуй и барельефов и б) обломки внутренней отделки помещений. Сохранился обломок ноги статуи, по которому можно приблизительно восстановить высоту фигуры (половина человеческого роста), а также обломки складок одежды.

Один из мраморных фрагментов повторяет в миниатюре орнамент карниза гарнийского храма, другой представляет собой часть полуколонны со спиралевидными каппелярами. Пока в Гарни не обнаружены более или менее цельные образцы античной скульптуры и украшений; приходится основывать наши представления о них на этих обломках. Во всяком случае мы знаем теперь твердо, что дворцовые комплексы в Гарни были украшены со всей роскошью, свойственной эпохе.

Последний раздел III части выпуска посвящен античным монетам, найденным в Гарни, из коих наиболее древняя относится ко времени Антиоха Эпифана (175—163 гг. до н. э.), самая поздняя — к Луцию Веру (161—169 гг. н. э.). Большой интерес вызывает клад монет, обнаруженный в 1955 г. в помещении, примыкавшем к восточной стене крепости. Клад состоит из 49 серебряных денариев, чеканеных от имени римских императоров второй половины I и II вв. н. э. — от Веспасиана (69—79 гг.) до Коммода (180—192 гг.).

Выпуск завершается заключением, в котором подытожены основные достижения экспедиции в изучении античного слоя Гарни в течение 1951—1955 гг. К отчету приложена 21 таблица с фотографиями наиболее важных памятников и предметов, открытых в упомянутые годы. Следует отметить, что хотя таблицы данного выпуска «Археологических раскопок в Армении», седьмого по счету, выполнены лучше, чем, скажем, в первом выпуске серии, но и они далеко не удовлетворительны. Последнее еще в большей мере относится к цветным вклейкам.

Своим изумительным храмом, уникальным на территории Советского Союза, Гарни известен уже давно. Теперь он начинает приобретать славу и новооткрытыми великолепными памятниками архитектуры, мозаичной живописи и других искусств, процветавших в древней Армении. Раскопки Гарни показывают, какие замечательные памятники могут быть открыты в городах Армении эллинистического периода, таких, как Арташат, Армавир, Ервандашат, раскопки которых, уже стоящие в повестке дня, откроют новую блестящую страницу в изучении истории Армении.

Г. САРКИСЯН